

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.15>

Мартишина Наталья Ивановна, Акишина Елена Олеговна

ФИЛОСОФСКИЙ ОБРАЗ КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ: СМЕНА КЛЮЧЕВЫХ МЕТАФОР

В статье рассматривается выражение обобщенного философского образа науки в различные периоды ее развития через ключевые метафоры, используемые философами для описания научного познания. Авторы полагают, что таким образом можно проследить как изменение в характере самой науки при переходе от классического к неклассическому этапу ее развития, так и изменение парадигмы философии науки. Основными линиями изменений представляются переходы от метафор отображения реальности к метафорам конструирования нового уровня реальности и от метафор свободной игры к метафорам работы, осуществляемой в организационных формах производственной деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/8/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 78-81. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.19+001.11

Дата поступления рукописи: 16.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.15>

В статье рассматривается выражение обобщенного философского образа науки в различные периоды ее развития через ключевые метафоры, используемые философами для описания научного познания. Авторы полагают, что таким образом можно проследить как изменение в характере самой науки при переходе от классического к неклассическому этапу ее развития, так и изменение парадигмы философии науки. Основными линиями изменений представляются переходы от метафор отображения реальности к метафорам конструирования нового уровня реальности и от метафор свободной игры к метафорам работы, осуществляемой в организационных формах производственной деятельности.

Ключевые слова и фразы: философия науки; метафора; философский образ науки; этапы развития науки; познание как отражение и конструирование.

Мартишина Наталья Ивановна, д. филос. н., профессор

Акишина Елена Олеговна, к. филос. н.

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск

nmartishina@yandex.ru; akishinacelena@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЙ ОБРАЗ КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ: СМЕНА КЛЮЧЕВЫХ МЕТАФОР

Актуальность предлагаемой статьи в наиболее общем плане обусловлена позицией, которую занимает наука в современном мире. С одной стороны, поскольку техногенная цивилизация по определению является сциентистской, фундаментальность присутствия науки во всех формах социокультурной деятельности не подлежит сомнению. С другой стороны, одной из характеристик постиндустриального общества становится «вынос науки за скобки», зафиксированный Б. Винном в виде следующего парадокса: чем более активно какая-либо специальная тема обсуждается в массовом сознании, тем меньше в ней остается собственно-научного содержания [14]. Наука XXI в. все больше отдаляется от обыденного сознания, и содержание даже ее основных идей все труднее выразимо в массовом языке. Одним из результатов этого процесса становится снижающийся уровень не только овладения научными знаниями, но и понимания населением сущности науки, характера научной деятельности, отличий науки от ненаучного знания, что отмечается исследователями в самых высокоразвитых странах современного мира. Способом хотя бы частичного преодоления возникшего разрыва является выработка языковых средств и в целом способа говорения о науке, дающего достаточно адекватное представление о ней как о сфере деятельности и в то же время способного быть воспринятым массовым познанием. Одной из возможностей для формирования такого способа нам представляются философские метафоры, описывающие науку в целом как человеческую деятельность и вид познания.

Соответственно **цель** нашей статьи состоит в выявлении и систематизации ключевых метафор, используемых философами для описания науки на различных этапах ее истории, и раскрытии их гносеологического содержания. **Задачи**, через которые реализуется эта цель, видятся в том, чтобы обосновать значимость метафоры как формы представления философского знания, выявить типичные метафоры, применяемые для описания классической и неклассической науки, предложить подход к их презентации и интерпретации. **Научная новизна** работы связана с выявленными авторами закономерностями смены характера философских метафор относительно науки и с установлением связи между тенденциями изменения науки и тенденциями изменения философско-художественной риторики относительно нее.

В качестве средства познания метафора определяется следующим образом: «Метафора – это когнитивный феномен, представленный на уровне языковых форм словом, словосочетанием, фрагментом текста, а иногда и целым текстом, семантика которого сформировалась как результат осмысления сущности одной понятийной области через другую понятийную область, в ее категориях и свойственных ей понятиях» [1, с. 71]. Метафора всегда содержит в своем составе два полюса: явление (область), сущность которого нуждается в экспликации, и явление, которому эта область уподобляется – более знакомое, представимое, наглядное. Основным логическим содержанием метафоры являются установление сопряжения между этими полюсами и перенос спектра смыслов, ассоциируемых с одним понятием, на другое. Как отмечает М. Блэк, этот спектр переносимых ассоциаций может быть неточным, «но для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании» [2, с. 164]; при этом метафора всегда действует как фильтр, поскольку переносит на главный объект только определенную часть характеристик вспомогательного. В результате этот объект становится для нас более понятным и представимым.

Этот логический принцип позволяет понять природу постоянного обращения философии к метафорам и эффективность метафор в философском познании. Философия, как правило, является высказыванием об объектах, которые не даны в нашем непосредственном опыте и не имеют зримого воплощения – о сущности, о душе, о бесконечном; метафора дает возможность связать с ними представимый, наглядный образ. По словам Х. Ортеги-и-Гассета: «Метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые,

открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлинит «руку» интеллекта... Без метафоры на нашем ментальном горизонте образовалась бы целинная зона, формально подпадающая под юрисдикцию нашей мысли, но фактически неосвоенная и невозделанная» [8, с. 72]. Поскольку философия – это учение о предельных основаниях бытия, ее тематическое пространство практически целиком располагается рядом с ментальным горизонтом, так что обращение к метафоре для философии, с одной стороны, неизбежно, а с другой, – продуктивно.

Наука является как раз такой трудноуловимой сущностью, которая, с одной стороны, требует философской рефлексии, а с другой – не имеет одного, определенного зримого референта. Образы интеллектуала, лаборатории, эксперимента, расчета с очевидностью лишь частичны и относятся к явлениям; способом наглядно выразить сущность научного труда служит метафора.

Одним из главных методологов науки в классический период ее развития является Ф. Бэкон. Бэкон очень активно пользуется метафорами и для объяснения, и для обоснования своих идей – достаточно упомянуть и знаменитую метафору с насекомыми, представляющими эмпиризм, рационализм и средний, правильный путь познания; даже свою ключевую идею о необходимости метода познания Бэкон объясняет посредством метафоры, сравнивая невооруженную методом познавательную деятельность с работой голыми руками, без инструментов. На наш взгляд, это объясняется прежде всего ориентацией Бэкона на достаточно широкую аудиторию и активным желанием добиться того, чтобы высказываемые им идеи были восприняты. В своих описаниях науки Ф. Бэкон вводит целый ряд метафор. Наиболее развернутые из них даны в сочинении «О мудрости древних», посвященном выражению новой идеологии познания посредством интерпретации античных мифов.

В эссе «Сфинкс, или Наука» [4, с. 291-294] наука отождествлена с божеством-чудовищем, одновременно привлекательным и грозным, опасным (примечательно, что Сфинкс – женское божество). Она крылата, поскольку «знания и открытия мгновенно распространяются и разлетаются по свету, ибо передача знания подобна бурно вспыхнувшему пламени, зажженному от другого пламени» [Там же, с. 292]. Сфинкс обитает на высокой, труднодоступной скале; ее главное свойство – задавать загадки: «Тех, кто не разрешит их, ожидают терзания духа, тех, кто разрешит, – власть» [Там же, с. 293]. При этом Бэкон дает еще специальную интерпретацию двум деталям мифа. Победителем Сфинкс становится Эдип, физически слабый, с большими ногами: по мнению Бэкона, это указывает на необходимость действовать в науке медленно, методично, без спешки (впрочем, это стандартный совет Бэкона, повторяющийся и в «Новом Органоне» в обращении ко всем, кто чересчур «воспаряет мыслью»). Потерпевшую поражение Сфинкс грузят на осла: после того, как научный результат получен, его в уже готовом виде способен понять даже самый ограниченный представитель общества, какой бы трудной ни казалась проблема ранее.

В эссе «Пан, или Природа» [Там же, с. 247-253] речь идет о том, что и как изучает наука. Ее главным объектом является природа, которую символизирует Пан. Он соединяет и в своей внешности, и в своей сущности различные начала, так как природа бесконечно многообразна. Пан силен, могуществен и при этом грубоват, дик. Он довлеет себе и ни к кому не привязан, «ибо мир довольствуется собой и всем, что есть в нем» [Там же, с. 253]. А познание этого мира символизирует жена Пана – Эхо. Ф. Бэкон пишет, что это единственная подходящая ему супруга (читай: единственно правильный способ обращения с природой в познании): настоящая истина «самым тщательнейшим и верным образом передает его собственные слова и сама как бы написана под диктовку мира; она есть не что иное, как его подобие и отражение, она ничего не прибавляет от себя, но только повторяет произнесенное им» [Там же].

Итак, в выстроенном Ф. Бэконом метафорическом образе науки можно выделить следующие смысловые акценты:

1) наука следует за природой и стремится к как можно более точному ее воспроизведению. Ведущим и самодостаточным началом в познавательном взаимодействии является природа; человеку необходимо приложить значительные усилия, чтобы ее «переиграть», заставить раскрыть свои тайны. Это подтверждается также постоянным соотношением научного знания с женским началом (Эхо, Сфинкс; добавим еще один пример, несущий гендерные ассоциации, соответствующие эпохе: «Поиски истины, т.е. любовь к ней и ухаживание за нею, знание истины, т.е. ее присутствие, и вера в истину, т.е. наслаждение ею, составляют высшее благо человеческой натуры» [5, с. 355]);

2) при этом наука является свободным, творческим занятием, а не рутинной деятельностью (при всей требуемой методичности) и не обязанностью человека (при всей привлекательности вознаграждения). Наука сравнивается у Бэкона с такими занятиями, как спортивное состязание (например, в «Новом Органоне» такая метафора становится одним из ключевых доводов: «Не может правильно совершаться ристание, если сама мета положена и утверждена неправильно» [3, с. 43]), и – очень часто – охота: «Действительно, науки и искусства охотятся за своими созданиями... да и вообще все создания природы охотятся или за добычей ради пищи, или за удовольствиями ради отдыха, прилагая к этому все свое умение и ловкость» [4, с. 251]. Аристократ Ф. Бэкон, конечно, охотился не «ради пищи», и наука для него видится именно «полем ристалища», на котором не помешает «добрая удача» [Там же, с. 290].

Сравнивая с цветущей бэконовской метафористикой размышления о науке философов XX в., нельзя не заметить не только значительно более строгий подход к использованию метафор, связанный с профессионализацией и сциентизацией и познания вообще, и философии в частности, но и изменение характера используемых метафор.

Б. Рассел дает следующую метафору, описывающую внутреннее строение науки: «Здание познания можно сравнить с мостом, покоящимся на многих опорах, каждая из которых не только поддерживает мост, но и помогает другим опорам прочно стоять благодаря связывающим их фермам. Опоры являются аналогами предложений, имеющих некоторое внутренне присущее им правдоподобие, тогда как верхние части моста являются аналогами того, что только выводится. Но хотя каждая опора может быть усилена другими опорами, все сооружение в целом опирается на прочный грунт, и подобным же образом опирается все здание знания на внутренне присущее предложениям правдоподобие» [11, с. 175].

Эта метафора также является развернутой. Она выражает идею внутренней связанности научного знания, в котором каждое отдельное положение связано с другими и занимает свое место в общей организации концепции. Ту же структурную связанность, уже не в метафорическом ключе, современные исследователи отмечают как одну из ключевых характеристик научного знания, отличающих его от вненаучного: только дилетанту кажется, что из научных законов могут быть исключения, а поправки в одной теории никак не влияют на другие, – на самом деле, например, в современной физике практически все основные законы связаны фундаментальными теориями, фундаментальные теории связаны друг с другом принципами симметрии, законами сохранения, принципом соответствия [7, с. 224-226]. Но обращает на себя внимание характер метафоры Рассела: он сопоставляет науку не с мифологическим чудовищем, а с инженерным сооружением, созданным людьми по своему плану. Мост – сложный технический объект, при сооружении которого учитываются характеристики местности, но и выбор места для него, и его вид, и определение перспектив его использования остаются прерогативой человека: субъект строит мост для себя и в том виде, который его устраивает. Образ состязания с природой, которое можно выиграть, замещается технически оснащенной работой, совершаемой по плану и ориентированной на требуемый результат.

М. Хайдеггер также применяет для описания науки техногенные метафоры – «производства», «предприятия», «проекта»; образ науки, задаваемый такими суждениями, как «лишь стоящие на своих ногах исследовательские производства могут, руководствуясь собственными интересами, планировать и организовывать приемлемое для них внутреннее единение с другими» [13, с. 47], весьма далек от бэконовского интеллектуального приключения и сближается скорее с бизнес-проектом, управляемым мотивирующим менеджментом. Также метафорическим для определенного времени являлся термин «научная картина мира», и именно в этом качестве его использует Хайдеггер, говоря о том, что наука создает картину мира. Примечательна трансформация этого, казалось бы, чисто отражательного образа: Хайдеггер специально подчеркивает, что картина «означает здесь не срисованное, а то, что слышится в обороте речи: мы составили себе картину чего-либо» [Там же, с. 49]. Картина мира – не отражение мира, а установление, творение субъекта. «Картина означает теперь: конструкт опредмечивающего представления» [Там же, с. 52]. Метафора передает совершенно иное видение научного знания, которое рассматривается отныне как создание условной научной реальности, по определению отделенной от исходной, наблюдаемой реальности рядом трансформаций и представляющей собой не что иное, как гносеологическую конструкцию, зависящую от того, кто и зачем ее создает, никак не меньше, чем от исходного материала. Опять-таки эта особенность отмечается современными исследователями и не в метафорическом ключе, например: «С точки зрения логика практика ученого заключается в конструировании посредством специфических процедур абстракции и идеализации некоего универсума объектов, к которому непосредственно относится научное знание» [12, с. 152]; но, на наш взгляд, заслуживает акцентировки тот факт, что метафорическая ее фиксация предвосхищает строгое терминологическое выражение. Это как раз тот случай, когда философская метафора – способ выразить то, что уже обнаружено, но пока еще лишь на уровне общего ощущения, духа новой эпохи; метафора в этой ситуации оказывается если не единственно возможной, то одной из наиболее адекватных форм выражения философской идеи.

Х. Ортега-и-Гассет, полемизируя в работе [9] с тезисом Аристотеля о том, что познание является естественным стремлением человека, дает еще одну весьма показательную метафору. Рассуждая о том, почему человек вообще интересуется тем, чего не знает (и соответственно не может знать даже, будет ли это знание иметь какой-то смысл в его жизни), он задает вопрос: «Как у него может болеть та часть организма, которой никогда не было?» [Там же, с. 39]. Эта фраза перекликается также с другой: «В мире есть сейчас один великий больной, находящийся на краю гибели; это – истина» [10, с. 252]. Здесь обращает на себя внимание изменение оценки, транслируемой этой метафорой. Наука опять-таки перестала восприниматься как игра, приключение, «охота на истину»; она ассоциируется скорее с вынужденным состоянием, это способ решать проблемы, чреватый новыми проблемами. Еще и поэтому метафоры так часто выражают философские идеи: они передают не только понимание проблемы – они задают отношение к ней.

Выводы. Таким образом, на наш взгляд, оказывается возможным зафиксировать следующие тенденции в изменении характера философских метафор, описывающих науку. Во-первых, метафоры, изображающие знание как отражение, точно соответствующее исходному объекту, сменяются при переходе к неклассической науке конструктивистскими метафорами, представляющими знание как относительно самостоятельную реальность, сооружаемую и управляемую человеком (подробнее о гносеологическом конструктивизме см. [6]). Это изменение соответствует как существенному возрастанию роли субъекта и инструментальной стороны познания в неклассической науке, так и переориентации эпистемологии конца XX в. – XXI в. на конструктивистские исследовательские программы. Сравнительный анализ метафор может быть использован в преподавании философии науки для объяснения аудитории различий между концепциями познания

как отражения и как конструирования. Во-вторых, метафорический образ науки как интеллектуального приложения трансформируется в ее образ как труда, существующего в организационных формах производственной деятельности. Эта трансформация отражает не только профессионализацию науки в ходе ее становления, но произошедшее в XX веке «отступление науки в социальную неприметность всякого общепользовательного труда» [13, с. 52]. Анализ производственных метафор, имеющих в философии XX в. выраженный ценностный срез, позволяет поставить перед аудиторией проблему и достаточно подробно рассмотреть противоречия, возникающие между изначальным статусом науки как свободной интеллектуальной деятельности и рамками, в которых она неизбежно оказывается, превращаясь в техногенной цивилизации в производительную и социальную силу. Таким образом, метафора действительно демонстрирует в данном случае свой потенциал в качестве эффективного средства представления и обсуждения философских проблем.

Список источников

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
3. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5-214.
4. Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 231-299.
5. Бэкон Ф. Опыт, или Наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 349-480.
6. Мартишина Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 19-23.
7. Мясников Г. Я. Наука и паранаука // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI в. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 223-242.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.
9. Ортега-и-Гассет Х. Почему мы вновь пришли к философии? // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы: эссе о литературе и искусстве: сборник / пер. с исп. М.: Радуга, 1991. С. 9-39.
10. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы: эссе о литературе и искусстве: сборник / пер. с исп. М.: Радуга, 1991. С. 229-476.
11. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. К.: Ника-Центр, 2001. 560 с.
12. Сапунов М. Б. О проблеме реальности в истории и философии науки // Высшее образование в России. 2012. № 2. С. 147-155.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 41-62.
14. Wynne B. Knowledge in Context // Science, Technology and Human Values. Cambridge (Mass.), 1991. P. 111-121.

**PHILOSOPHICAL IMAGE OF CLASSICAL AND NON-CLASSICAL SCIENCE:
CHANGE OF KEY METAPHORS**

Martishina Natal'ya Ivanovna, Doctor in Philosophy, Professor
Akishina Elena Olegovna, Ph. D. in Philosophy
Siberian Transport University, Novosibirsk
nmartishina@yandex.ru; akishinacelena@yandex.ru

The article considers the expression of the generalized philosophical image of science in various periods of its development through the key metaphors used by philosophers to describe scientific cognition. The authors believe that this way it is possible to trace both the change in the character of science itself during the transition from the classical to the non-classical stage of its development, and the change in the paradigm of philosophy of science. The main lines of changes are transitions from reality reflection metaphors to metaphors of new reality construction and from free game metaphors to metaphors of work carried out in the organizational forms of production activity.

Key words and phrases: philosophy of science; metaphor; philosophical image of science; stages of science development; cognition as reflection and construction.